

СОБОРНЫЙ ОБРАЗ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ХРИСТА В РОМАНЕ «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Традиционно внимание исследователей концентрируется, в первую очередь, на образах старца Зосимы и Алеши, когда речь идет о «чистом, идеальном христианине» (по выражению самого Ф. М. Достоевского). На наш взгляд, за этим понятием скрывается соборный образ, который создается прежде всего в книге «Русский инок».

Писатель в «русских иноках» подчеркивает их духовное состояние: «Их было четверо: иеромонахи отец Иосиф и отец Паисий, иеромонах отец Михаил, настоятель скита, человек не весьма еще старый, далеко не столь ученый, из звания простого, но духом твердый, нерушимо и просто верующий, с виду суровый, но проникновенный глубоким умилением в сердце своем, хотя видимо скрывал свое умиление до какого-то даже стыда. Четвертый гость был совсем уже старенький, простенький монашек, из беднейшего крестьянского звания, брат Анфим, чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихий, редко даже с кем говоривший, между самыми смиренными смиреннейший и имевший вид человека, как бы навеки испуганного чем-то великим и страшным, не в подъем уму его» (14; 257).

Ключевые слова в этом отрывке – умиление, смирение и страх. В этих понятиях заключается духовная сила христианина, которая контрастно противостоит гордыне и бунту Ивана и творчески созданного им Великого инквизитора. Как один исследователь замечает: «Жизнь христианина – мир и радость, кротость и смирение. Не общественная деятельность спасет мир, а духовная красота. Нет выше человека, чем святой, который являет Бога»¹. Такой пример дал своим последователям Христос: «Я кроток и смирен сердцем» (От Матфея 11:29).

Умиление, по словарю Даля, от глагола умилять, трогать нравственно, возбуждать нежные чувства, любовь, жалость². Это особое светлое, возвышенное и смиренное состояние человеческого сердца, испытывающего невероятную любовь к Богу и сострадание к людям³. Такое качество не природное, а приобретенное в течение долгих лет через соприкосновение с Богом и сокрушение природного человека, это духовное переживание христианской жизни.

Во время работы над романом «Братья Карамазовы» Достоевский размышляет о смирении как о решении проблемы человеческой гордыни. Это ясно выражено в его Пушкинской речи. По мнению Достоевского, Пушкин видел силу народа в смирении: «Тут уже подсказывается русское решение вопроса <...>: “Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве”, вот это решение по народной правде и народному разуму» (26; 139).

Смирение как признак духовной зрелости требует от человека большой духовной силы, так как это результат деятельной любви и долготерпения. По сравнению с безудержным своеволием оно контролируется Святым Духом и является мощной силой. Писатель неустанно обращается к этой теме в своем творчестве. Об этом пишет С. И. Фудель: «Это, кстати, может служить и примером непрерывности христианского миропонимания Достоевского после 1865 года: Ипполит говорит о смирении в 1868 году, Зосима – в 1879-м. О молитве за неизвестных людей Достоевский одинаково говорит в 1868 году в “Идиоте”, в 1875 году в “Подростке” и в 1879-м – в “Карамазовых”»⁴.

Смирение противостоит бунту, насилию и гордыне, которые свойственны герою поэмы

«Великий инквизитор» и блудному уму Ивана. В романе «таинственный посетитель» повторяет известное выражение: «Господь не в силе, а в правде» (14; 280). Смирение, презренное качество для людей, гордящихся физической силой или умом, обладает колоссальным могуществом. В нем скрывается духовная смелость, дерзновение⁵. «Смирение не унижает человека, а напротив, ставит его на твердую почву самопознания, реалистического взгляда на себя, вообще на человека, поскольку смирение и есть тот свет, благодаря которому только человек видит себя таким, каким он является на самом деле. Оно есть свидетельство великого мужества человека, как не убоявшегося встретиться с самым грозным и неумолимым соперником – совестью своей»⁶.

Русские иноки в романе «Братья Карамазовы» отличаются от мирских людей, не ведающих истинную реальность, тем, что они узнали правду, глубоко проникнув в духовную сферу. В противоположность надменности им свойственно смирение. Такое святое ощущение связано с истинным познанием себя. Зосима учит: «Не святее же мы мирских за то, что сюда пришли и в сих стенах затворились, а, напротив, всякий сюда пришедший, уже тем самым, что пришел сюда, познал про себя, что он хуже всех мирских и всех и вся на земле...» (14; 149). Такое глубокое осознание приводит верующих к страху за свое поведение перед Господом. Подобное благоговение выражается в молитве Давида: «Кто усмотрит погрешности свои? От тайных моих очисти меня» (Псалтирь 18:13). Именно таков страх на лице брата Анфима. Этот страх связан с благоговением, надлежащим обращением к Господу, а также с ответственностью христиан, особенно иноков, так как они должны толковать народу Евангелие и держать знамя веры.

Как и старец Зосима и Алеша, русские иноки видят свой путь в соприкосновении с Господом через молитву. Их подвиг заключается в скромной молитве и соединении с народом⁷, а не в деяниях, продиктованных гордым умом, как поступают неверующие деятели, упомянутые

в поэме «Великий инквизитор». С точки зрения высшей, духовной реальности, «неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален» (14; 285).

К соборному образу русского монашества естественно присовокупляются образы верующих из простого народа, в романе это русские бабы и слуга Федора Павловича Карамазова Григорий. Многие исследователи затрагивают проблему отношения народа и интеллигенции, обращая внимание на почвенничество Достоевского⁸. Под народом он понимал простой народ, крестьянство, сохраняющее истинного Христа, в отличие от потерявших национальный облик дворянства и интеллигенции. По этому поводу В. С. Соловьев пишет: «Личность должна преклониться перед народной верой, но не потому, что она народная, а потому, что она истинная»⁹.

Истинное христианство неразрывно связано в творчестве Достоевского с подвижничеством.

«Подвижник Достоевского во многом нетрадиционен, так как он не бежит от мира, не спасается в стенах монастыря от мирских соблазнов, а идет в мир для спасения людей. Этот подвижник в миру – тип не выдуманный, а реальный, формировавшийся в недрах русского монастыря»¹⁰. Следуя Христу, народ деятельной любовью христианина сопереживает судьбе людей, на практике реализует идею «все за всех виноваты». «Короче, этим словом “несчастные” народ как бы говорит “несчастливым”»: “А пока берите, “несчастные”, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей”» (21; 17).

Когда речь идет о вере простого народа, следует обратить внимание на то, что малограмотность никак не мешает верующим постичь Божью тайну. В посланиях церквям апостол Павел отвергает знание в гордыне, противопоставив его любви: «Но знание надмевает, а любовь назидает» (1-е послание Коринфянам 8:1); – и показывает противостояние разума сего мира Богу: «Ибо написано: “погублю мудрость мудрецов, и разум разумных

отвергну“. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (там же, 1:19, 20).

Знание связано с разумом, а вера и познание Господа связаны с сердцем. Об этом много пишет Достоевский. Сердце как точное мерило направляет человека в жизни, поэтому и говорится в Библии: «Больше всего хранимого храни сердце твое; потому что из него источники жизни» (Притчи 4: 23). Достоевский высоко ценит народ именно потому, что у него сердце сохранилось целым, а у интеллигентов сердце оказалось подавлено умом.

В контроверзе Григория со Смердяковым о Божьем творении и о вере автор обнаруживает нелепость усилием разума понять духовный мир. Смердяков вопрошает: «Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?» (14; 114). Такой вопрос затрудняет некрасноречивого Григория, но вместе с тем показывает дилетантство Смердякова в понимании Библии, как и многих атеистов, пытающихся толковать Библию своим ограниченным умом. Он не понимает Божьего творения – тайны вселенной. В образе же Григория автор показывает добродетель простого верующего. Он не может логическими доводами опровергнуть аргументы Смердякова, но он знает, что вера внутри его сердца, и только своими делами доказывает ее.

Внешне Григорий «холодный и важный, не болтливый, выпускающий слова веские, нелегкомысленные» (14; 87). Порядок мира для него имеет священное значение, так как он связан с гармонией Божьего творения. Он не может терпеть любой беспорядок, хотя грубовато выражает это. Он запрещает жене танцевать, считая это неприличным, огорчен рождением шестипалого ребенка, так как «смешение природы произошло» (14; 88), зато он нежно любит свою жену и ребенка. В качестве слуги он безукоризненно исполняет свой долг. Именно поэтому Федор Павлович не только доверяет, но и уважает своего

старого слугу.

В отношениях Григория к двум женам Федора Павловича выражено отрицательное отношение простого народа к эмансипации и бережное – к традиции. В Аделаиде он видит одну из тех женщин, что заразились модными идеями эмансипации и забыли о традициях своего народа, а в Софье – воплощение этих традиций. «В нем симпатия к этой несчастной обратилась во что-то священное, так что и двадцать лет спустя он бы не перенес, от кого бы то ни шло, даже худого намека о ней и тотчас бы возразил обидчику» (14; 87). Он бережно хранит могилу бедной Софьи, безропотно ухаживает за сиротами Федора Павловича, несмотря на неприязнь к своему господину и генеральше-воспитательнице, так как считает это долгом верующего, высоко понимая принцип Божьей любви и милости. Своими деяниями слуга Григорий осуществляет принцип жизни простого верующего и, безусловно, превосходит своего хозяина.

Другой пример деятельной любви верующего простонародья – молодая баба с девочкой. Она жертвует небольшую сумму денег: «Кстати будет просьбица моя невеликая: вот тут шестьдесят копеек, отдай ты их, милый, такой, какая меня бедней. Пошла я сюда, да и думаю: лучше уж чрез него подам, уж он знает, которой отдать» (14; 49). Именно деятельной любовью она реализует учение Христа и убеждается в бытии Бога и бессмертии. Стоит обратить внимание на то, что глава «Верующие бабы» дается автором в середине книги «Неуместное собрание». Именно таким сопоставлением автор хочет показать духовное величие верующего простонародья. В этой книге обсуждается статья Ивана о христианстве, а также возникает неприятная сцена ссоры отца Федора Павловича и сына Дмитрия. И в этой же книге верующее простонародье деятельной любовью демонстрирует свою духовную силу.

В соборном образе истинных христиан Достоевский видит истинную Церковь. С. И. Фудель пишет по этому поводу: «Достоевский расширил в нас понимание церковности»¹¹. Имеется в виду, в частности,

заметка из записной книжки последних лет: «Церковь – весь народ – признано восточными патриархами весьма недавно в 48 году, в ответе папе Пию IX-му» (27; 57). «“Весь народ”, – комментирует С. И. Фудель, – означает, конечно, весь “святой народ”, то есть входящий действительно, хоть и непостижимо, в святыню Церкви – Тела Божия: и пасомые и пастыри, и миряне и епископы, – по своей устремленности к святыне Божией в покаянии и любви»¹². Современник Достоевского инок Парфений записал слова Иоанна Златоуста: «Церковь – это не стены и крыша, но вера и житие»¹³.

Итак, в художественном мире романа Достоевского мы видим духовные качества верующих, выраженные не только в отдельных образах, но и в соборном, семейственном образе: старец Зосима, Алеша, русские иноки, верующий народ. Этот образ совокупно выражает истинный смысл Церкви как мистического тела Христа, что выражается в деятельной любви и молитвенной жизни. Именно такое христианство, семью верующих, Достоевский видит и выражает в своем творчестве. По этому поводу Соловьев пишет: «Есть другой вид или степень христианства, где оно уже не довольствуется богослужением, а хочет руководить деятельною жизнью человека, оно выходит из храма и поселяется в жилищах человеческих. Его удел – внутренняя индивидуальная жизнь. Здесь Христос является как высший нравственный идеал,

религия сосредоточивается в личной нравственности, и ее дело полагается в спасении отдельной души человеческой»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барсотти Д. Достоевский: Христос – страсть жизни. М., 1999. С. 146.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 4. С. 493.

³ Горичева Т. Об обновленчестве, экуменизме и «политграмотности» верующих. СПб., 1997. С. 21.

⁴ Фудель С. И. Наследство Достоевского // Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 62.

⁵ Горичева Т. Указ. соч. С. 21.

⁶ Осипов А. И. Достоевский и христианство // Журнал московской патриархии. М., 1997. № 1. С. 60.

⁷ Старец Зосима велит: «Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ – богоносец» (14; 285)

⁸ См.: Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 394 («почва это есть глубина народной жизни, таинственная сторона исторического движения»).

⁹ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 240.

¹⁰ Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник / Под редакцией Г. К. Щенникова Челябинск, 1997. С.106.

¹¹ Фудель С. И. Указ. соч. С. 52.

¹² Там же. С.123.

¹³ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Постриженника Святые горы Афонския инока Парфения. Ч. I – IV. М., 1856. С. 57.

¹⁴ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 241.